

и дротиков в тех, которые с нами сражались при помощи башен и машин, и с такой силой метал камни, что паша едва осмеливались высовывать руки. Но и наши, находившиеся в башнях, отвечали щедро на выстрел выстрелом и, отражая силу силой, до такой степени утомляли противников, расположенных в башнях и на стенах, что они не могли переносить всей тяжести борьбы и несколько раз в день переменялись. Между тем наши машины, управляемые людьми более опытными, пускали страшные камни с такой силой, что, попадая в башню или стену, они потрясали все и почти разрушали. От рассыпавшихся камней и разбитой обмазки поднималась такая пыль, что неприятель, стоявший на стенах и на башнях, не мог за ней, как за облаком, видеть никого из наших. Если же камни, перелетев башню и стены, падали в город, то от их тяжести огромные здания падали на части и давили своих жителей. Между тем пешие и конные люди мужественно и отважно сражались ежедневно с теми, которые выходили из города для борьбы с ними. По большей части, наши сами вызывали осажденных, но иногда и граждане нападали на осаждавших по личному побуждению.

VII. Когда таким образом наши ежедневно сражались с переменным счастьем, то стоя на машинах, то у ворот, где обе стороны вызывали друг друга на бой, по призыву князей королевства, явился в лагерь государь Понций, граф Триполя, со значительной дружиной, и, по-видимому, удвоил своим прибытием силу и отвагу наших, внушив в то же время неприятелю опасение невозможности дальнейшего сопротивления. По в городе находилось тогда 700 всадников из Дамаска, которые своим примером внушали мужество знатым гражданам, изнеженным и не привыкшим к военному делу, и сами много содействовали защите города. Но и эти всадники, видя, как наши силы возрастают с каждым днем, и как все предпринимаемое нами удается, силы же граждан исчерпываются, сами оробели и начали благоразумно отклонять от себя тяжесть, которую не могли вынести; впрочем, они не советовали гражданам сдаваться и убеждали их иметь доверие к собственным

силам. Город же представлял тогда, как и ныне (то есть в конце XII в.), только один вход и одни ворота, ибо он, как мы сказали выше, образовывал собой почти совершенный остров и омывался со всех сторон волнами, исключая узкого перешейка, который вел к воротам, и где с различным успехом, как то обыкновенно бывает в подобного рода стычках, пешие и конные сражались бесперерывно.

В следующих главах, от VIII до XIII (включительно), автор делает отступление, в котором описывает нападения на Иерусалим жителей Аскалона и вторжение дамаского султана, с целью отвлечь христиан от Тира; но все эти попытки остались неудачными, и султан Дамаска предложил мир, по которому Тир сдался крестоносцам, а жители его получили право или свободно выйти, или остаться по-прежнему в городе, с сохранением прав на свое имущество.

XIV. После того (то есть после сдачи города Тира) жители, истомленные осадой, чтобы забыть свои бедствия, вышли в лагерь паших с целью посмотреть на этот железный, терпеливый в труде и опытный в военном деле народ, который мог в несколько месяцев довести до крайности столь превосходный и укрепленный город и принудить его подчиниться самым тяжким условиям. Их занимали и форма машин, и высота осадных башен, и роды оружия, и расположение лагеря; они расспрашивали имена князей и тщательно разведывали все, чтобы передать потомству верный рассказ о том. И наши ходили по городу, дивились его укреплениям, прочности домов, высоте башен, толщине стен, красоте ворот, трудностям входа и славили упорство граждан, которые, будучи угнетаемы голодом и всякого рода лишениями, медлили до того времени сдачей города, так как по взятии его оказалось в нем всего пять мер хлеба. Хотя простому народу сначала казалось тяжелым, что город был сдан на тех условиях нашим, но впоследствии они были весьма довольны, славили свои подвиги и в то же время считали достойным вечной памяти дело, совершенное усилиями пашего войска. После того, когда город был разделен так, что две части достались королю, а третья, в силу того договора, всенародно, каж-